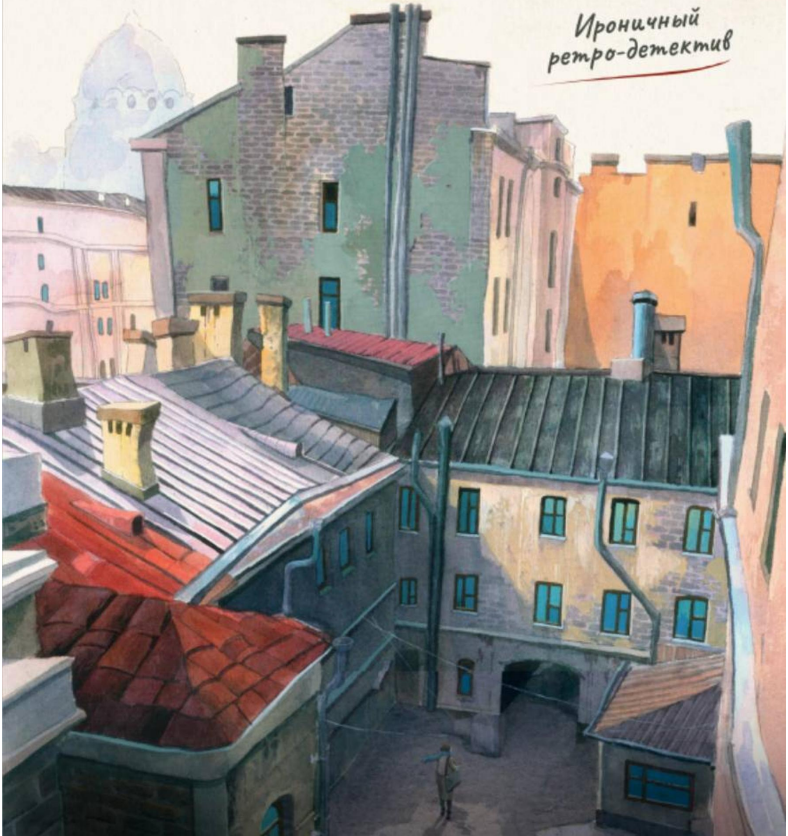
Убийство в Ленинграде

Анна Федорова

Ироничный ретро-детектив



Анна Федорова
Убийство в Ленинграде

https://litres.ru/74634718
SelfPub; 2026

Аннотация

Ленинград, 1960-е.

Дворы-колодцы и широкие проспекты, уютные кондитерские и тесные коммуналки. Город жил своей обычной жизнью — пока в один дождливый день не прогремел выстрел.

Художник Дмитрий Воронцов случайно становится свидетелем убийства. Молодая девушка умирает у него на руках. Перед смертью она просит сжечь её дневник. Но Воронцов не может его уничтожить.

В дневнике — чужие тайны, отравления и семейные интриги. А ещё — имя человека, который может оказаться убийцей.

Воронцов не следователь и не сыщик. Он художник, привыкший подмечать детали, которые ускользают от других. Но чем ближе он подбирается к разгадке, тем опаснее становится расследование. Ведь убийца рядом. И он не остановится.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 14
Глава 3 21
Глава 4 34
Глава 5 50
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Анна Федорова
Убийство в Ленинграде

Глава 1

ИГРЫ СУДЬБЫ

Двадцать третьего апреля 1966 года в Ленинграде молодая девушка открыла дверь убийце.

Дмитрий Алексеевич Воронцов вышел из парадной дома, где снимал комнату, в девять утра. Он взглянул на холодное дождливое небо и с досадой подумал, что плащ и зонт остались дома. Но время поджимало, и возвращаться было нельзя. Дело предстояло важное и не требовало отлагательств.

Воронцову было тридцать два года. Высокого роста, хорошего сложения, с тёмно-русой шевелюрой. По профессии — художник-портретист. Несколько лет назад он успешно окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Сейчас его работы пользовались популярностью у заказчиков благодаря умению передавать не только портретное сходство, но и характер человека. Он мастерски подбирал цветовую палитру, точно улавливал эмоции и создавал атмосферу, раскрывающую характер каждого героя.

У него была страсть к рисованию. В кожаном портфеле всегда лежали блокнот и несколько остро заточенных графитовых карандашей. В метро Дмитрий Алексеевич нередко пропускал свою остановку и опаздывал на работу, если в вагоне напротив него садилась симпатичная девушка, старик с глубокими морщинами или ребёнок с живой улыбкой. Не раздумывая, он открывал блокнот и начинал рисовать лицо — снова и снова, пытаясь уловить сходство и запечатлеть облик. Но результат часто его не устраивал, и он принимался сначала. Попутчик не замечал, что внезапно стал чьей-то музой. Зато люди, сидевшие по соседству с художником, украдкой поглядывали на рисунок и на натурщика — и тихо удивлялись поразительному сходству.

Поход в магазин за продуктами нередко заканчивался тем, что Дмитрий Алексеевич обнаруживал себя на лавочке в сквере уже в сумерках: рядом лежала пустая авоська, а в руках были блокнот и карандаш — он увлечённо делал набросок человека, сидящего неподалёку.

Но была у Дмитрия Алексеевича и другая страсть — молодая и прекрасная Екатерина Алексеевна, чьи красота и грация пленили его взор. Но судьба была жестока: она была замужем за человеком влиятельным и уважаемым, и их союз казался безупречным.

Екатерина Алексеевна каждое утро выгуливала свою белую мохнатую болонку Матильду. Неспешно идя по Клинскому проспекту, девушка улыбалась прохожим, здорова-

лась со знакомыми и невольно любовалась собой, проходя мимо стеклянных витрин. Особенно ей нравилось бывать в саду им. А. С. Грибоедова («Олимпия»), здесь Екатерина любила посидеть на скамейке, наблюдая за редкими прохожими и слушая весенний шум города.

Иногда она раскрывала книгу и прочитывала несколько страниц, лениво перелистывая их тонкими пальцами. Собачка в это время сидела у её ног, настороженно поглядывая на голубей.

Завершив прогулку, Екатерина Алексеевна заходила в кондитерскую, чтобы отведать миндальные пирожные или нежный пломбир в креманке. Чашка ароматного кофе или какао придавала её дню особое настроение.

Дмитрий Алексеевич изучал её привычки: где она гуляет, в какие магазины заходит, на какой скамейке в парке сидит и какую книгу читает.

Он узнал, что по субботам, около десяти утра, Екатерина Алексеевна приходит в дом № 22 на улице Бронницкой, проводит там около часа, а затем в хорошем настроении продолжает свою прогулку.

В его душе зародилось подозрение, что она посещает тайного поклонника. Эта мысль была мучительной.

О причинах загадочных визитов в дом № 22 Дмитрий Алексеевич узнал неожиданно и довольно скоро. В понедельник, 18 апреля, он побывал в БДТ (Большой драматический театр имени Г. А. Товстоногова) на премьере спектакля

«Идиот» с Иннокентием Смоктуновским. В антракте он случайно столкнулся со своим школьным товарищем — Огурцовым Николаем. Они обрадовались друг другу, обнялись и решили выпить в буфете по сто грамм коньяка и закусить бутербродами со слабосолёной сёмгой.

В буфете стоял привычный театральный шум: звон рюмок и возбуждённые споры о спектакле.

За разговором выяснилось, что Николай живёт в коммунальной квартире, работает журналистом, пишет статьи для газеты «Ленинградская правда», любит посещать кафе на углу Невского, а его соседка по квартире — гадалка.

— Эх, брат, это настоящая провидица, таких одна на миллион, — говорил Огурцов Воронцову. — Потомственная цыганка. Зовут её Зара. Ходят к ней люди важные и серьёзные… Сам видел! Не дураки же они все? Значит, дело говорит. Карты разложит, внимательно посмотрит и всё тебе расскажет: и прошлое, и настоящее, и будущее.

Приходил к ней один влиятельный и богатый англичанин. Спрашивал, какой товар ему выбрать, чтобы расширить торговлю в Европе. Она карты разложила, посмотрела и говорит ему: «Тебе жить осталось неделю. Убьют тебя». Тот вскочил, опрокинул стул и закричал на ломаном русском: «Да как ви смит! Эй позову мэлиша! Эй чнайду на вас оправу».

Выбежал из квартиры и больше не появлялся. А через неделю его и правда нашли — с ножом в спине. В нашей газете заметку печатали. Я на место убийства ездил, тело ви-

дел. Каково? Хочешь верь, хочешь не верь…

Вот ещё случай, — продолжал Огурцов, понизив голос. — Похитили девочку двух лет в Михайловском саду. Няня отвернулась всего на минуту, а следователь потом сказал — её специально отвлекли. Ты бы видел этих родителей… Мать за четыре дня вся поседела. Пришли к гадалке. А она им и говорит: «Вернут вам дочку. Денег не попросят — другим возьмут».

— И что? — спросил Воронцов, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Нашли. На четвёртый день. В том же саду, на той же скамейке. Живая. Только… — Огурцов допил коньяк и поморщился. — В больнице обнаружили шрам. Оказалось, пока девочка была у них, ей удалили почку. Вот так, брат.

— А тебе раскладывала? — с ужасом спросил Воронцов.

— Мне-то зачем? Живу — не тужу. Вот ты послушай лучше, какая к гадалке дама ходит по субботам, просто цветочек. Стройная красотка, балерина, а собака у ней лохматая, смешная. Ещё кличка — обхохочешься — Матильда, — и Огурцов залился безудержным смехом.

От этих слов Дмитрий Алексеевич замер: речь шла о его возлюбленной — Екатерине Алексеевне! В этом не было никаких сомнений. Значит, она ходит к гадалке, соседке Огурцова. Как, однако, тесен мир.

— Николай, можно я приду к тебе в ближайшую субботу и подслушаю из твоей комнаты, что гадалка балерине говорит?

— умоляюще спросил Дмитрий Алексеевич. — Это очень важно для меня.

Воронцов и сам не ожидал таких известий, но план созрел у него в голове за долю секунды. Слова уже были сказаны. Огурцов опешил, прищурился и снова расхохотался.

— Думаешь, мне жалко? Конечно, приходи! Дом-то старый, стены царские — в 1907 году строили, на совесть. Тогда в этой квартире жила одна интеллигентная семья, комнаты проходные были, анфиладой. А после семнадцатого всё перекроили: проходы заложили, сделали коммуналки. Где бывший проход заделали — там слышимость хорошая. Чужую жизнь поневоле слушаешь. Ишь, какой ты донжуан, оказывается. Повеселил меня! Только вот что: в субботу я с утра в редакции. Ключ оставлю под ковриком. Моя комната первая, направо.

На том и договорились.

Наступила долгожданная суббота. Промозглое утро. Дмитрий Алексеевич торопился, чтобы поскорее попасть в коммунальную квартиру Огурцова и не пропустить встречу Екатерины Алексеевны с цыганкой.

Вот и парадная. Здесь полумрак: стены окрашены бежевой краской, местами облупившейся. Широкая лестница и давно немытое, затянутое паутиной прямоугольное окно под самым потолком. Перила украшала тяжёлая металлическая решётка с коваными завитками и двумя крупными цветками посередине. Поднявшись на третий этаж, Воронцов оста-

новился и прислушался. Тишина. Он отогнул дверной коврик, схватил медный ключ, вставил его в замочную скважину и осторожно повернул. Дверь отворилась, и он оказался в длинном тёмном коридоре. Направо, первая комната, как сказал Огурцов. Дмитрий Алексеевич повернул ручку, и дверь негромко скрипнула, открываясь. Он вошёл в просторную комнату с двумя окнами. На высоком потолке — лепнина и массивная бронзовая люстра с канделябрами. В углу — каминная печь с белыми потрескавшимися изразцами — остаток былой роскоши доходных домов.

У окна стоял тяжёлый дубовый стол на резных ножках, покрытый зелёным сукном. Рядом — двухместная кровать и книжный шкаф со стеклянными дверцами из того же гарнитура. Потёртое кресло, обитое зелёным бархатом, с широкими подлокотниками и округлой спинкой.

Обои были старые, дореволюционные — бледно-зелёные, с почти выцветшим узором из тонких ветвей. На стене висела репродукция картины художника Жана-Этьена Лиотара «Прекрасная шоколадница» в массивной позолоченной раме. На картине была изображена миловидная девушка, несущая поднос со стаканом воды и чашкой шоколада. Она в чепчике, с румянцем на щеке, и из-под платья кокетливо выглядывает ножка в ботиночке. Вся картина словно наполнена тихой прелестью и грацией.

Художник на мгновение задержался у портрета и с восхищением принялся рассматривать фарфоровую хрупкость

образа и тонкую технику пастели на пергаменте.

Наручные часы показывали девять тридцать. В комнате было пыльно и душно. Дмитрий Алексеевич уже подумал, не открыть ли окно, но в прихожей послышались голоса и хлопнула входная дверь.

— А ты не ждала меня? — вдруг через стену отчётливо прозвучал мужской голос.

Воронцов вздрогнул: «Эка оказия… Кто пришёл к гадалке?»

По голосу художник предположил, что посетитель высокий, как шкаф, плечи широкие, кулаки огромные. Если такой рассердится, то никому не поздоровится…

Женщина ответила, но слишком тихо. И Дмитрий Алексеевич не разобрал слов.

— Я за деньгами пришёл. Обмануть хотела?!

Голос был грубый, сердитый. Женщина отвечала негромко. Послышалась возня — видимо, хозяйка открывала комод.

— Давай, давай скорее. Всё здесь? А, сам сосчитаю! — незнакомец уже не сдерживал себя. — Рассказали люди добрые, как ты с этим мильтоном разговаривала. Сдать меня хотела? Ух, проклятая!

Раздался выстрел, затем — звук падающего тела на пол. Всё произошло быстро и неожиданно.

В коридоре послышались тяжёлые шаги и хлопнула дверь.

Воронцову стало страшно. Руки дрожали, ноги не слуша-

лись. То, что в соседней комнате произошло убийство, — в этом не было никаких сомнений!

«А вдруг женщина ещё жива и нуждается в помощи?» — мелькнула мысль.

Он вскочил, резко пошатнулся и чуть не упал. Собрав все силы, на негнущихся ногах добрался до двери и украдкой выглянул в коридор. Тихо.

Пройдя на цыпочках, он заглянул в мрачную комнату. Первое, что бросилось ему в глаза, — женская фигура на полу и тёмная лужа крови. Воронцов мгновенно очутился рядом с раненой, нащупал пульс. Она была жива. Злодей выстрелил ей в живот.

В комнате ещё стоял едкий, удушливый запах сгоревшего пороха. Воронцов закашлялся, но не отвёл взгляда от девушки.

Но это была не цыганка! Перед ним лежала молодая, светловолосая, очень хорошенькая девушка в голубом платье с белым поясом.

«Что же делать?.. Что же делать?» — мысли крутились в голове. «Вдруг убийца ещё на лестнице? Как позвать на помощь? Нужен врач и милиция…»

Ещё секунда, и девушка открыла глаза.

— Полотенце… там… — едва слышно прошептала она.

Воронцов подскочил к комоду, схватил первое попавшееся бельё и протянул ей. Девушка прижала ткань к животу.

— Я сейчас умру… — её побелевшие губы скривились в

горькой усмешке.

— Я немедленно позову доктора, — сказал Дмитрий Алексеевич. — Вас обязательно спасут!

— Там… в третьем ящике стола… мой дневник… в синей обложке. Пожалуйста, возьмите его и сожгите. Если узнают, что он у вас… вы нежилец… — с усилием прошептала она и закрыла глаза.

Воронцов бросился к столу. Под ворохом бумаг нашёл книжку в синем переплёте, сунул её во внутренний карман пиджака и вернулся к девушке. Коснулся её лба, сжал руку. Она слабо дышала.

Дмитрий Алексеевич вскочил и выбежал из квартиры.

На улице лил дождь. Вода струилась по мостовой, неистово дул ветер, гремел гром. Художник побежал за угол дома к телефонной будке. Сначала набрал номер неотложки, затем — милиции.

Крутя номеронабиратель, Воронцов взглянул на свои руки и с облегчением вздохнул. Перчатки он надел не зря: значит, его отпечатков в квартире не осталось.

Несколько дней назад он случайно обжёг руку кипятком, заваривая чай. Ожог был небольшой, но выглядел пугающе. Поэтому Дмитрий Алексеевич надел бежевые замшевые перчатки под цвет костюма: сейчас на них были ярко-красные пятна крови.

Глава 2

ИЗОЛЬДА БРОНИСЛАВОВНА

Изольда Брониславовна Замойская, старушка восьмидесяти или чуть больше лет, в прошлом знатная дама польского происхождения, проживала в коммунальной квартире на улице Рузовской, в доме 17.

Её родители были людьми богатыми и высокородными, к несчастью, они умерли рано. Когда Изольде было десять лет, а её сестре Берте — восемь, девочки остались сиротами. Первым скончался отец: он заболел туберкулёзом и угас за несколько месяцев. Матушка не смогла пережить потерю горячо любимого мужа — погоревала и через год тоже отошла в мир иной.

Родственники со стороны отца определили девочек в Училище ордена Святой Екатерины. Там они провели семь лет и получили хорошее образование: выучили немецкий и французский языки, занимались пением и музыкой, танцевали, освоили рукоделие и светские манеры.

По настоянию родни Изольда в семнадцать лет вышла замуж. Своего жениха она впервые увидела за неделю до венчания.

Брак их продлился два года. Муж её, Илиодор Станиславович Замойский, польский граф, пьяница и игрок, просадил всё состояние в карты за одну ночь, да так и не сумел

отыграться. Возвращаясь домой зимним утром во хмелю и в расстроенных чувствах, он поскользнулся на льду, расшиб голову и скончался на месте.

Со своей родной сестрой Бертой Изольда Брониславовна рассорилась, когда ей было двадцать лет. Причиной стала скандальная история, связанная с одноглазым дворянином Брехуновым А. Н.

Берта без памяти влюбилась в этого человека. Тот отвечал ей взаимностью, клялся в любви, голубки готовились идти под венец.

Но всё же одним глазком Брехунов А. Н. рассмотрел, что Изольда Брониславовна — «душка» и чудо как хороша. Недолго думая, он признался в любви и ей и сделал предложение.

Новоиспечённая пара собралась бежать за границу. К несчастью, нашлись свидетели этого намерения, и разразился громкий скандал. Сёстры разругались и больше уже никогда не помирились.

Что стало с господином Брехуновым А. Н., который погнался за двумя зайцами и посеял раздор между сёстрами, уже никто с уверенностью не скажет.

Изольда Брониславовна окончательно разочаровалась в мужчинах и больше никогда не вышла замуж. Сейчас она была стара, одинока и бездетна. Близких родственников у неё не осталось, а дальние не искали общения с ней. Кому нужна старуха и притом нищая? Маленькая комната и несколь-

ко дорогих сердцу вещиц, сохранившиеся с той далёкой, когда-то обеспеченной жизни, —вот и всё её богатство.

Комната Изольды Брониславовны была единственной с балконом в коммунальной квартире. Здесь старушка любила пить кофе. Деревянный столик она покрывала кипенно-белой узорчатой скатертью изо льна, ставила высокий фарфоровый кофейник с рисунком из золотых роз. Кофейник был дореволюционный, из Германии, фирмы Lindner. Хозяйка им очень гордилась. Ах, а какие были чашки от этого сервиза: из тонкого фарфора, изящные, позолоченные! Увы, до этих дней уцелела лишь одна.

Каждое утро Изольда Брониславовна, умывшись, укладывала свои белые волосы в виде волны, а сзади собирала в небольшую гульку. Наряжалась в платье и жемчужные бусы, красила губы неизменно красной помадой и, надушившись Guerlain, шаркала на общую кухню.

Она согревала кофейник горячей водой, засыпала перемолотые кофейные зёрна и заливала их кипятком. Потом до полудня сидела на своём балконе, завернувшись в клетчатый плед, и читала роман Чарльза Диккенса «Холодный дом».

Со временем балкон обветшал. Весной из ЖЭКа приходил с проверкой товарищ Хрюкин А. Р. и настрого запретил выходить туда.

— Обвалится, в аварийном состоянии, — громко объявил он. — Балкон разрушается, а денег на ремонт нет! У вас, может, деньги есть? — подозрительно щурился Хрюкин, свер-

кая чёрными глазками.

Старушка разводила руками и вздыхала.

— И у нас нет! Увижу ещё раз — мамой клянусь, оштрафую!

Упрямо пренебрегая наставлениями Хрюкина и распекая его мать, Изольда Брониславовна, тем не менее, каждое весеннее утро устраивалась на своём балконе с чашкой крепкого кофе.

Детей сестры она никогда не видела и даже не знала наверняка, были ли они у Берты. Каково было её изумление, когда на пороге коммунальной квартиры появился худой светлокудрый юноша и назвался её внучатым племянником — Миколаем.

— Здравствуйте, Изольда Брониславовна. Как долго я вас искал! — воскликнул родственник. — Сколько вам лет? Как ваше здоровье? Посмотрите — это фотография моей бабушки Берты Брониславовны. Вы помните её? Она умерла тринадцать лет назад.

Молодой человек протянул старушке помятый чёрно-белый снимок. На фотографии была изображена худая женщина в длинном платье и с высокой причёской.

Изольда Брониславовна долго всматривалась в карточку и не узнавала сестру. «Берта была младше меня на два года… — думала она. — Поссорились мы, когда ей было восемнадцать. Красавица была… Потом мы не виделись… А этой женщине на снимке лет пятьдесят… Поди разберись, она это

или нет».

Она нахмурилась и покачала головой.

— Какое счастье, что я вас нашёл! — не унимался Миколай.

Он протянул ей коробку шоколадных конфет «К звёздам».

— Это вам. Угощайтесь на здоровье.

Изольда Брониславовна пригласила гостя в комнату, налила ему горячего кофе, а он между тем продолжал рассказывать.

— Моя бабушка вышла замуж за полковника Василия Александровича Тырина. Он был старше её лет на двадцать, но жили хорошо, в достатке. У них родилось трое детей: моя мама — Мария и два сына — Пётр и Павел. Мои дяди служат в Воронеже, пошли по стопам отца. Вы, может, слышали про них? Недавно в газете писали: «Тырины — наша гордость». Хорошая вышла статья с фотографиями.

— Нет, не видела, — удивлённо ответила Изольда Брониславовна.

— Когда бабушка умерла, дед погоревал год и женился на цветочнице Нелли. Красивая женщина: глаза карие, волосы чёрные, как антрацит. И у них родилось трое детей.

— Господи помилуй, ещё трое? — всплеснула руками старушка.

— Она была молодая и здоровая, вот и рожала. Ровесница моей мамы. Ещё хотела детей, да дед не позволил — устал,

говорит, кормить всех. Моя мама вышла замуж за польского капитана, и родился я.

— И сколько тебе сейчас лет? — спросила Изольда Брониславовна.

— Двадцать три будет через месяц. Я на государственной службе. Сегодня мне поручили расследовать дело об убийстве. Для этого мне нужно было найти человека, который живёт в доме на Рузовской, 17. Просматривая списки жильцов, я случайно увидел ваше имя. Обрадовался! Понял, что это, должно быть, вы: фамилия Замойская, отчество такое же, как у бабушки, и возраст сходится. Бабушка о вас почти ничего не рассказывала. Только перед самой смертью просила мужа и сыновей, чтобы они разыскали вас. Всё плакала и повторяла: «Прости, Изольда… Прости. Помоги, Господи, нам увидеться прежде, чем я умру…» Где вас искать, никто не знал. Она даже вашу фамилию не могла вспомнить из-за болезни. Помню, мне было десять лет. Меня подвели к её кровати, она уже лежала совсем слабая. Вдруг глаза открыла, схватила меня за руку и сказала: «Найдёшь Изольду, отдай ей серьги с бриллиантами, которые храню в красной коробочке. И скажи, что я люблю её… Фамилия Замойская».

Она не отпускала мою руку, пока я несколько раз не пообещал всё исполнить. Через день после этого разговора бабушки не стало. Но я запомнил и фамилию, помню и про серьги в красной коробочке. Я обязательно принесу их вам — в следующий раз.

Изольда Брониславовна плакала и вытирала глаза платком. Она вспомнила сестру, свою молодость, беспутного мужа — вся жизнь пролетела мгновенно. Слёзы печали сменились слезами радости: у неё появился родственник. Теперь она не одинока.

— Кого же ты ищешь в нашем доме? Может быть, я смогу помочь?

Миколай многозначительно посмотрел на старушку.

— Ещё как сможете! Меня интересует ваш сосед по коммунальной квартире — Дмитрий Алексеевич Воронцов.

Глава 3

ДОБРАТЬСЯ ДО ПРАВДЫ

Дмитрий Алексеевич торопился домой. Мысли путались, голова разболелась.

Он неожиданно стал свидетелем убийства и, возможно, теперь сам мог оказаться под подозрением.

Если кто-то из жильцов видел, как он выходил из парадной, то непременно сообщит об этом в милицию.

Чья это пыльная комната? И где на самом деле живёт Огурцов? Ведь он уверял, что его соседка — цыганка. И почему ключ лежал под ковриком, если это, возможно, не та квартира?

«Нужно найти Николая и рассказать ему обо всём. И ещё дневник девушки... Прочитаю, что в нём написано, а потом уже приму решение, как действовать дальше… Хотя несчастная предупреждала: если кто-нибудь узнает, что её записи у меня, я — нежилец... Какая же тайна кроется за этим убийством?»

Воронцов жил в коммунальной квартире на Рузовской улице, в доме 17, на шестом этаже. Дом был построен в 1910 году в стиле модерн архитектором А. Ф. Барановским.

Войдя в свою маленькую, но уютную комнату, он первым делом спрятал дневник, затем переоделся. После этого налил в таз холодной воды и стал тщательно стирать перчатки

хозяйственным мылом. Кровь была свежая, и пятна вымывались легко.

Покончив со стиркой и совершенно обессилев от пережитого, Воронцов присел на диван, а через минуту уже спал. Ему снилась молодая девушка в голубом платье. С раной в животе она тянула к нему окровавленные руки и умоляла сжечь её дневник.

Дмитрий Алексеевич проснулся к вечеру и, несмотря на неприятный сон, почувствовал себя значительно лучше. Теперь необходимо было купить газету и узнать подробности случившегося.

В ближайшем киоске «Союзпечати» он приобрёл вечерний выпуск и начал читать:

— Так, где же… Вот… «Сегодня утром в собственной квартире на улице Бронницкой была найдена убитой выстрелом из огнестрельного оружия Ростопчинская Елизавета Владимировна, 19 лет. Прибывшие на место происшествия сотрудники милиции и бригада неотложной помощи обнаружили тело девушки. Подробности дела в интересах следствия не разглашаются». Значит, Лиза… Не спасли тебя…

Воронцов понял, что теперь ему самому придётся разобраться в этом деле. Но для начала нужно прочитать записи. Он вернулся в свою комнату, достал из тайника спрятанный дневник и открыл его на первой странице. Почерк у Елизаветы был аккуратный и округлый.

24 декабря 1965 г.

Скоро Новый год! У нас будет высокая нарядная ёлка, приедут друзья и родственники. Снега в этом году — целые сугробы. Маменька составила список блюд, которые будут на праздничном столе. Нас ожидает королевский пир! Надеюсь, что приедет В.

Серёженька мечтает о железной дороге и сегодня написал письмо Деду Морозу. Но этот подарок купили ещё в октябре, когда папенька ездил по делам в Москву. Как он обрадуется! Ему всего восемь лет, а он уже такой умный мальчик.

Сегодня из Смоленска на поезде приехали моя тётка Серафима Ивановна и её дочь Агафья — румяная с дороги, в новом пальто, полная противоположность матери: тихая, сдержанная и даже немного застенчивая. Тётка привезла с собой восемь чемоданов платьев.

Она сразу же заперлась с папенькой в кабинете. Проходя мимо, я услышала, как она сказала:

— Надо найти покупателя через знакомых коллекционеров.

Дальше подслушать не удалось: в гостиную вошла Агафья, и я предложила ей пойти покататься на коньках.

27 декабря 1965 г.

Приготовления идут полным ходом. Чувствуется приближение праздника. Все весёлые и счастливые. Наш Фёдор

Степанович, девяностолетний старик-ворчун, сегодня был в прекрасном настроении и перед обедом учил нас танцевать вальс. Все смеялись и хлопали в такт.

Одной лишь мне тревожно. От В. никаких известий. Приедет ли он? Мы вчера с Агафьей ворожили, и вышло, что мы с ним будем вместе. Она спросила, на кого я гадаю, но я только засмеялась и ничего не ответила.

Папенька сообщил, что после праздников поедет в Ленинград по делам. Я попросилась с ним, но он сказал, что не в этот раз. Они с моей тётей постоянно закрываются в кабинете и о чём-то горячо спорят.

30 декабря 1965 г.

В нашем доме творятся странные дела! И в этом замешана Серафима Ивановна. Но обо всём по порядку.

Вчера после обеда я пошла в гостиную, где накануне оставила свою книгу, и, проходя мимо папенькиного кабинета, заметила, что дверь приоткрыта. Я заглянула внутрь, осмотрелась — подумала, может, Матрёна убирается, — но, к моему удивлению, там никого не было.

На столе лежали какие-то бумаги. Сгорая от любопытства, я подошла ближе и в этот момент услышала голоса в гостиной. Не желая быть замеченной, я спряталась за длинную, тяжёлую портьеру и замерла.

В кабинет вошли отец и тётка. Они были увлечены разговором и не заметили лёгкого шороха, который произвела я.

По голосу было слышно, что Серафима Ивановна волнуется:

— Владимир, ты не должен переживать из-за этой случайности… Что было, то было… На всё воля божья.

— Серафима, как ты можешь такое говорить! Какая случайность? Девушку отравили ядом!

— Ой, что ты, Владимир... Она болела и постоянно кашляла. Вот тебе крест! Слабенькая была...

Отец ходил по кабинету. Тяжело вздыхал.

— Дело дрянь, — наконец сказал он. — Сейчас милиция начнёт расследование, и тебя посадят.

Тётка заплакала, но, кажется, она не до конца верила словам папеньки.

— Мы заплатим! Продадим эту картину и решим вопрос!

— «Эту картину», — передразнил отец. — Ты не забыла, что продавать её без разрешения владельца — воровство?

У меня закружилась голова. Я едва удержалась, чтобы не выдать себя за портьерой.

В кабинет постучали. Вошла Матрёна и сообщила, что приехал В.

3 января 1966 г.

Праздник удался. Я счастлива!

В. сделал мне предложение, и папенька благословил наш союз! Мы много времени проводим вдвоём: гуляем, читаем, говорим о любви и о будущем.

В. привёз мне подарок — золотое кольцо с кашмирским сапфиром в виде лилии. Я уже представляю себя замужней женщиной.

Вечером накануне праздника я спрашивала у Агафьи, как у них дела в Смоленске, но она отвела взгляд и тихо произнесла, что всё хорошо. Безусловно, она скрывает то трагическое происшествие, о котором я услышала в кабинете. Что за несчастная была отравлена и действительно ли в этом замешана тётка? Попытаюсь выяснить.

В. я ничего не рассказала. Зачем его расстраивать?

8 января 1966 г.

В. уехал после Рождества — его вызвали на службу. Обещал приехать в начале февраля. Очень грустно было с ним расставаться. Как же я его люблю!

Едва он уехал, я сразу села и написала ему письмо. Завтра отправлю почтой.

9 января 1966 г.

Папенька уехал по делам в Ленинград. Я пыталась поговорить с ним перед отъездом, но он был уставший и рассеянный, и я не решилась его тревожить.

Вечером в нашем доме произошла странная история.

Учитель Серёженьки, Степан Семёнович, заговорил за ужином о ядах. Он рассказал, что бывают такие, когда человек выпьет стакан воды и ничего не почувствует, а через ми-

нуту будет лежать мёртвый.

Зачем он завёл такой разговор? Возможно, он что-то слышал или подозревает? Я испугалась. Но всем присутствующим тема показалась интересной, и её с удовольствием поддержали.

Фёдор Степанович, наш старик, сказал:

— Всё есть яд, любое лекарство, то и другое определяет доза.

Маменька рассказала историю о жене Ивана Грозного — Анастасии Захарьиной. Многие историки уверены, что её отравили.

Софья Владимировна, няня Серёженьки, поведала, что правители Медичи специально нанимали учёных, которые разрабатывали яды и доводили их до совершенства. Эти яды не имели ни вкуса, ни запаха. Бывали даже книги с отравленными страницами, духи, косметика, одежда, которые потом дарили неугодным людям.

Я украдкой посмотрела на тётку, но она была совершенно невозмутима. Агафья поперхнулась едой и закашлялась.

Я была в полном недоумении. Решила завтра поговорить с учителем. Возможно ли, что это совпадение?

10 января 1966 г.

Сегодня утренним поездом к нам приехал муж Серафимы Ивановны — Антон Иванович Липужин.

Тётка была радостная и, видимо, очень ждала своего су-

пруга. Чего нельзя сказать об Агафье: она стояла в стороне и спокойно отнеслась к приезду своего папеньки.

Гостя сразу усадили за стол и начали поить горячим чаем из самовара. К его приезду наварили щей и напекли целую гору пирогов — с рыбой, мясом и яблоками.

Я тихонько вышла из гостиной и решила во что бы то ни стало поговорить с учителем. Матрёна сказала, что он в саду.

На улице было морозно. Крупными хлопьями падал снег, а сугробы на солнце переливались, словно сахарные.

Учитель сидел на скамейке. Увидев меня, он улыбнулся и протянул руку.

— Елизавета Владимировна, рад вас видеть! Почему вы не пьёте чай со всеми? Пироги у Матрёны — объедение.

Я спросила его, как он поживает, какие у него мысли. Он удивился. Сказал, что я тонко чувствующая девушка, и признался, что у него действительно кое-что произошло.

— Расскажите, — попросила я.

Он вздохнул и ответил, что дело очень деликатное…

— Почему вы вчера за ужином заговорили о ядах? — напрямую спросила я.

Он изумился ещё больше и даже тихо засмеялся. Сказал, что никто на свете не удивляет его так, как я.

— Видите ли, произошло одно неожиданное событие… Но пока я не могу рассказать вам о нём — у меня нет уверенности. Я написал письмо своему брату. Он учёный, работает в Ленинграде и хорошо разбирается в этом вопросе. Ответ

должен прийти со дня на день. Как только всё подтвердится, я сразу вам расскажу. Я очень благодарен вашему отцу за то, что он дал мне работу и кров. Но пока не могу говорить о том, в чём сам не уверен.

Я взяла с него честное слово, что он мне обо всём расскажет при первой же возможности.

11 января 1966 г.

Утром я проснулась от громкого стука в дверь моей комнаты. Это была Матрёна.

— Ах, Елизавета Владимировна, беда-то какая! — запричитала она, вбежав ко мне.

Матрёна была крупной женщиной, и слёзы на её круглом лице тоже были крупные, как горох.

Сквозь её рыдания я поняла, что Фёдор Степанович, наш старик, умер.

— Он любит выпивать стакан молока рано утром. Сегодня я захожу к нему в комнату, несу на подносе молоко и горячий пирожок с капустой, а он лежит на кровати, — рассказывала Матрёна. — Я к нему, а он не дышит. Рядом на тумбочке стоит уже пустой стакан из-под молока. Богом клянусь, барышня, вчера вечером его там не было!

— Матрёна, успокойся. Может, он сам себе налил. Да при чём тут молоко?

— Не было у нас в доме вечером молока, милая Елизавета Владимировна. Только сегодня утром я сама надоила и сразу

к нему понесла. И на здоровье своё он не жаловался. На днях мы с ним разговаривали, и он сказал: «Я, Матрёна, до ста лет жить буду».

— И ты решила, что его отравили? Что за глупости! Кому дался девяностолетний старик? Он никому вреда не причинял — жил себе и жил, — пыталась успокоить я нашу домработницу.

— Может, вы и правы, барышня, да только вот стакан-то…

— Позовём доктора, и я узнаю у него причину смерти. Не переживай, — заверила я Матрёну.

Как неожиданно всё случилось. И папеньки нет дома.

Фёдор Степанович прожил в нашем доме около тридцати лет. Жена его умерла от болезни, а сын погиб при несчастном случае. Он остался один, и мой папенька предложил ему поселиться у нас.

Все относились к нему как к члену семьи. В последние годы Фёдор Степанович сделался ворчливым, иногда резким, но это же не повод его травить.

Я встала с кровати, оделась и спустилась в гостиную. Там сидели маменька, тётка и Агафья. Они оплакивали старика.

12 января 1966 г.

Доктор Сергей Афанасьевич Круглов появился вчера только к полудню. Из-за обильного снегопада он застрял на дороге. Это был солидный мужчина в очках с чёрной мас-

сивной оправой и большим кожаным саквояжем.

Он осмотрел старика и велел Кузьме грузить тело в машину.

— Повезём в морг, — сказал он. — Славный был старик... Никогда на здоровье не жаловался.

Мы вышли с доктором на улицу, и я спросила:

— Сергей Афанасьевич, вы будете делать вскрытие?

Он взглянул на меня удивлённо и беззвучно засмеялся.

— Зачем же? Старик умер от старости. Сердце остановилось или кровоизлияние — мало ли что… Годы-то немалые.

— Чтобы узнать причину смерти. Вам же нужно будет писать заключение? — не отставала я. — Есть подозрение, что его отравили!

— Вот, Елизавета Владимировна, начитались вы детективных романов — теперь убийство везде чудится. Это же старик! Отравили его... Выдумаете тоже. Кому он нужен? Послезавтра меня отсюда отправляют работать в Москву, начальство отрекомендовало. Когда мне ещё вскрытие делать?

Он недовольно поморщился, прикрикнул на Кузьму и нашего конюха Петра, которые грузили тело в машину, вскоре распрощался и уехал.

Разве это не его работа — установить точную причину смерти?

И учитель Степан Семёнович сказался больным и уже два дня не выходит из своей комнаты!

Всё происходящее меня злило.

Я зашла в комнату старика и огляделась. Здесь было прибрано, кровать оправлена. Окна открыты настежь.

На кухне я нашла Матрёну. Она сидела за столом и плакала.

— Ой, успокоиться не могу... Всё из рук валится.

Я спросила, она ли прибиралась в комнате Фёдора Степановича.

— Что вы, Елизавета Владимировна! Меня даже на порог не пустили. Серафима Ивановна всё сделала сама: кровать оправила, пыль везде протёрла и стакан вымыла.

— И стакан вымыла… — повторила я слова домработницы.

Тут Матрёна заговорщицки улыбнулась и поманила меня рукой. Она открыла один из кухонных шкафов и указала пальцем на полку. Там стоял пустой немытый стакан из-под молока.

— Это тот самый стакан, — прошептала она. — Он появился в комнате Фёдора Степановича таинственным образом.

— Но подожди... Какой же стакан тогда помыла Серафима Ивановна?

Глаза Матрёны сделались невинными, и в них запрыгали весёлые искорки.

— Который утром принесла я... Только я перед этим выпила свежее парное молоко. Не пропадать же добру…

Дмитрий Алексеевич, увлёкшись чтением, не сразу понял, что в его комнату кто-то настойчиво стучит.

Глава 4

ПО СЛЕДАМ

В дверь продолжали настойчиво стучать.

Дмитрий Алексеевич захлопнул дневник, схватил с батареи ещё влажные перчатки, подбежал к тайнику и быстро спрятал всё внутрь.

Осторожно открыл дверь. В коридоре стояла его соседка — старушка Изольда Брониславовна — со светлокудрым мужчиной.

— Дмитрий, здравствуй, — нетерпеливо начала она. — Познакомься: мой внучатый племянник Миколай.

Её глаза светились гордостью, когда она представляла родственника.

Воронцов внимательно посмотрел на молодого человека. Насколько ему было известно, у Изольды Брониславовны не было родни — она часто об этом говорила. Дмитрий Алексеевич жалел старушку и всегда помогал ей по хозяйству: ходил в магазин за продуктами, в аптеку за лекарствами, чинил сломанные вещи.

— Миколай сейчас расследует дело об убийстве, — продолжала Замойская.

При этих словах у художника потемнело в глазах, мелькнула мысль: «Однако как оперативно они работают!»

— Ты, может, пустишь нас в комнату? Или так и будешь

держать в дверях? — настаивала она.

У Дмитрия Алексеевича хватило сил лишь отойти в сторону и пропустить незваных гостей.

— Ну что ты побледнел? Прямо как полотно, — удивилась старушка.

— Изольда Брониславовна, позвольте, я, — сказал Миколай.

Он вышел вперёд и, протянув руку Воронцову, представился:

— Миколай Вишневский. Следователь. Сегодня на Бронницкой убили девушку.

Дмитрий Алексеевич сел на диван. Ноги не держали. Он понял, что слишком взволнован: эти старушки, убийства — всё выбивало его из колеи.

— Вы знакомы с ней? — спросил Миколай. — У вас вид глубоко потрясённого человека.

— Нет… Не знаком, — тихо ответил он.

— Свидетели видели убийцу, — Миколай многозначительно посмотрел на Воронцова. — И мне нужно, чтобы вы завтра в семь утра пришли в отделение.

— На допрос?

— Совершенно верно. Без вас никак. Наш художник выбыл — руку сломал, в походе неудачно упал. Я просмотрел архивы. Ближайший профессиональный художник — вы. Завтра придёте к нам с бумагой и карандашом и со слов очевидцев составите портрет. Согласны?

— Но мне ведь нужно будет предупредить на работе…

— Я уже сообщил на ваше предприятие, что вы нужны нам для следственных мероприятий, — спокойно ответил Вишневский. — Соответствующую бумагу подготовил. Так что с работы вас отпустят, можете не беспокоиться. Всё оформлено официально.

— Хорошо, — произнёс обескураженный Дмитрий Алексеевич. — Много очевидцев? Если их показания будут различаться?

— Пока четверо. Разберёмся. Главное — начать, — обнадёживающим тоном сказал Миколай.

Художник ещё раз заверил, что к семи утра будет на месте, и затем проводил неожиданных гостей.

Он был в смятении: с одной стороны, рад, что его не арестовали и не считают подозреваемым, а с другой — понимал, что это лишь вопрос времени. Зато он хотя бы узнает, кого видели свидетели, и услышит, что говорят об этой трагедии. А заодно получше присмотрится к следователю Вишневскому. Может быть, полученная информация поможет пролить свет на произошедшее…

Ровно в семь утра двадцать четвёртого апреля Воронцов стоял у обшарпанной двери милицейского участка. На стук открыл усатый милиционер. Узнав, что перед ним художник, он проводил его в небольшую комнату с одним запылённым окном.

Из мебели здесь были только прямоугольный стол и пять деревянных стульев.

— Ждите, — сказал милиционер и вышел.

Через минуту он снова заглянул в кабинет:

— Чай будете? Самовар только вскипел. Первый свидетель придёт к половине восьмого. С ним так договорились.

Усатый принёс Дмитрию Алексеевичу крепкий горячий чай в гранёном стакане с подстаканником, украшенным витым бронзовым узором.

— Угощайтесь на здоровьице. Вот баранки и конфеты. Если что понадобится — зовите. Моё имя — Михаил Николаевич.

Он немного постоял в дверях и ушёл.

Пар поднимался тонкой струйкой, но Воронцов так и не притронулся к чаю.

Он смотрел на чистый лист бумаги перед собой.

Скоро на нём должно было появиться лицо убийцы.

Через открытую дверь Воронцов услышал, как чей-то незнакомый голос спросил:

— Ты что, Михаил, и чай ему отнёс? Прислуживаешь?

— Ничего ты не понимаешь, Афанасий, — ответил тот. — Это художник. У него талант от Бога, понятие жизни есть. Я таких людей уважаю. А ты сидишь целыми днями, пишешь, бумагу мараешь — толку чуть…

В кабинет вошёл Миколай Вишневский. Сегодня он был

в синей форме с красными петлицами на воротнике.

— Доброе утро, Дмитрий Алексеевич. Рад вас видеть. Готовы? Я буду рядом. Не стесняйтесь задавать свидетелям вопросы — в нашем деле важна точность. Пока у нас четверо свидетелей, но мы продолжаем искать. Я буду записывать показания, а вы зарисовывайте.

Первой вошла женщина лет шестидесяти пяти. На ней были поношенное коричневое пальто и жёлтый шифоновый платок на голове. Она переминалась с ноги на ногу и заметно нервничала.

— Уже говорить? — спросила она.

— Да, конечно. Присаживайтесь и расскажите во всех деталях, что вы видели.

— Я пошла в магазин за хлебом и сахаром. Когда спускалась с четвёртого этажа, услышала, как на третьем хлопнула дверь. Убитая жила в квартире номер четыре. А напротив — квартира пять. Вот оттуда и вышла молодая девушка в синем пальто. Раньше я её не встречала.

— Хорошо, — подбодрил её Миколай. — В котором часу это было?

— Утром. Примерно без четверти десять.

— С собачкой? — вдруг спросил художник.

— Что? — женщина удивлённо посмотрела на него, потом улыбнулась. — Нет, одна.

— Вы вышли за ней из парадной? Куда она направилась? Можете её описать? — продолжил допрос Миколай.

— Да, она вышла и перешла дорогу к парку. Стройная, молодая, в шляпке. Синее пальто.

— Она торопилась?

— Да, шла довольно быстро.

— Кого ещё видели?

— У парадной стоял дворник, Пётр Иванович. Больше никого. Погода была дождливая — все по домам сидели, — она пожала плечами.

— Выстрел слышали?

— Нет, не слышала.

— А жертву вы знали?

— Видела, конечно. Какое несчастье! Всегда улыбнётся, поздоровается. Молодая, красивая… Недолго она здесь прожила…

— Есть что-нибудь добавить? — спросил Миколай.

— Могу про нашего дворника-пьяницу рассказать…

— Нет, спасибо, — мягко остановил её следователь. — Если вспомните что-нибудь важное, пожалуйста, сообщите нам.

Он проводил женщину и вернулся в кабинет.

— Сейчас придёт второй свидетель. Дворник. Надеюсь, он расскажет больше, — сказал Миколай.

Дворник вошёл в чёрной телогрейке, в шапке-ушанке и с метлой.

— Метлу можете оставить у входа в отделение, — посо-

ветовал Миколай.

— Не положено. Это ценный инвентарь, я за него отвечаю, — серьёзно ответил Пётр Иванович.

— Рассказывайте: кого вы видели вчера с девяти до половины одиннадцатого?

— Мимо меня прошла старуха с авоськой. Потом мальчишка-хулиган — огрызок на тротуар бросил. А ещё мужчина в чёрном пальто вышел из парадной.

— Так… Давайте подробнее про мужчину в чёрном, — остановил его следователь.

— Во всё чёрное одет, — сказал дворник. — Шляпа с широкими полями. Трость… с набалдашником в виде совы.

— Совы? — переспросил Миколай.

— Да. Глаза у неё такие… Будто смотрят, камни жёлтые вставлены.

— Как выглядел этот мужчина?

— Усы серебристые, брови густые. Обувь — блестит, как зеркало, — перечислял дворник.

— Сколько примерно лет?

— Лет шестьдесят, может, больше. Я его мельком видел: зонт раскрыл и пошёл быстрым шагом. Торопился.

— Как же вы так быстро всё рассмотрели? — удивился Миколай.

— Так ведь он не местный, — пожал плечами дворник. — Интересно же. И одет богато.

— Если снова встретите — узнаете?

— Обязательно.

— Лицо запомнили?

— Вытянутое. Нос длинный, губы тонкие, глаза чёрные, — дворник даже приосанился, почувствовав, что он важный свидетель.

— Во сколько он вышел из парадной?

— Тут я вам точно не скажу, но думаю, что без двадцати десять.

С этими словами Пётр Иванович достал из кармана часы «Ракета» на длинной цепочке с изображением парусника «Адмиралтейство» на крышке. Взглянул на них — явно похвастались — и убрал обратно.

— Хорошо, очень хорошо, — подытожил Миколай. — Что ещё можете добавить?

— Про что?

— Про мужчину с тростью.

— Про мужчину больше нечего добавить.

— Выстрел слышали?

— Нет. В это время гремел гром, а я как раз интенсивно подметал тротуар.

— Кого ещё видели?

— Молоденькая девушка вышла из парадной. Синее пальтишко, туфельки на каблуках, волосы рыжие, в причёске. Тоже нездешняя — раньше её не видел.

— Она вышла позже, чем мужчина с тростью?

— Да, минут через пять.

— Ещё кого видели?

— Зинаиду Михайловну.

— Она здесь живёт?

— Давно уже. Сначала к магазину пошла.

— А потом?

— Потом побежала — ливень начался, — усмехнулся дворник. — После неё я никого не видел: так как пошёл в дворницкую греться.

— Жертву раньше встречали?

— Нет, ни разу. Я вообще думал, что квартира пустует. А тут вон какие дела творятся…

Пока Вишневский допрашивал дворника, Воронцов рисовал. Карандаш в его руке двигался с поразительной скоростью: косматые брови, длинный нос, усы, тонкие губы — всё постепенно оживало на бумаге.

— Можно идти? — спросил Пётр Иванович, поднимаясь со стула.

— Посмотрите на портрет, — попросил Вишневский. — Похож? Может, что-нибудь поправить?

Дворник взглянул на рисунок и перекрестился.

— Он самый. Усы подлиннее. А так — вылитый! Вот это талант!

Охая и восхищаясь работой художника, он вышел из кабинета.

— С минуты на минуту подойдёт ещё один свидетель. Вы

начинайте с ним работать, а я присоединюсь чуть позже, — сказал Миколай и вышел из допросной.

Воронцов снова посмотрел на портрет мужчины с тростью.

Что-то в этом человеке не давало ему покоя.

Дверь скрипнула.

Дмитрий Алексеевич обернулся.

Усатый милиционер ввёл в комнату черноволосого мужчину невысокого роста в серой рубахе и в коричневых мятых штанах.

— Здравствуйте. Кого вы видели вчера утром с девяти до десяти тридцати? — не теряя времени, начал расспрашивать Воронцов, когда они остались вдвоём.

Мужчина уселся на стул, вальяжно закинул ногу на ногу и пристально посмотрел на художника.

— Тебя видел. Как ты выбежал на улицу в бежевом костюме — в ливень — и поскакал по лужам…

— Прекрасно, — спокойно отреагировал Дмитрий Алексеевич. — Вы не заметили, что я в милиции работаю?

— Сегодня кент, а завтра мент. Было б сказано — забыть успеем, — не унимался мужик.

— Обязательно расскажите об этом следователю Вишневскому, — посоветовал Воронцов, — у него особенное отношение к балагурам.

— Где вы живёте?

— В доме напротив, на втором этаже.

— Назовите точный адрес.

— Улица Бронницкая, дом семнадцать.

— Раньше встречали девушку, которую убили?

— Нет, знать не знал.

В кабинет вошёл Миколай.

— Здравствуйте! Надеюсь, ничего важного не пропустил. Продолжайте, пожалуйста. Кого видели?

Мужик усмехнулся:

— Дворника с метлой, деда с тростью, потом из той же парадной вышла рыжая девица, а за ней баба.

— Расскажите подробнее про мужчину с тростью, — попросил следователь.

— Да чего про него рассказывать?

— Как выглядел, во что был одет? Может, какие-нибудь особые приметы?

— Не разглядывал я его. Спросите лучше у дворника — они о чём-то шептались.

— Они разговаривали? — удивлённо переспросил Миколай.

— Да.

— Во что был одет этот мужчина?

— В тёмный плащ и брюки.

«С такими свидетелями каши не сваришь», — подумал Воронцов.

— Шляпа была?

— Не помню. Зонт точно был, — оживился свидетель.

— Долго они разговаривали с дворником?

— Перекинулись парой слов…

Свидетель задумался.

— А потом дед сунул дворнику денег.

Миколай медленно поднял голову.

— Деньги?

Он сделал пометку в блокноте.

— Можете вспомнить, во сколько мужчина вышел из парадной?

— В девять сорок, — подумав, ответил свидетель, загибая пальцы.

— Откуда такая точность?

— Я по радио музыкальную передачу слушал. Она началась в девять тридцать. Две песни прозвучали, потом диктор немного поговорил в эфире — вот и вышло девять сорок.

— Что можете сказать про девушку?

— Хорошенькая. Я бы с ней погулял, — загоготал мужик.

— Посерьёзнее, пожалуйста, — одёрнул его Вишневский.

— Молодая, рыжие волосы. Первый раз видел.

— Хорошо, — сказал Миколай. — Можете быть свободны.

— Как это всё?! — возмущённо воскликнул свидетель. — А про бабу? Про бабу-то в пальто вы ничего не спросили!

— Расскажите про женщину, — снисходительно сказал Вишневский.

— Чего про неё рассказывать? — тут же искренне уди-

вился тот. — Вышла из парадной, дворник ей денег дал, она их взяла и куда-то побежала.

— Как интересно, — без особого энтузиазма произнёс Миколай. — Что это за место такое, где все друг другу деньги раздают? Может, ещё что-нибудь вспомните?

Мужик исподлобья посмотрел на Воронцова и произнёс:

— Больше нечего.

— Афанасий, — позвал Миколай.

В допросную вошёл молодой милиционер.

— Приведи-ка ещё раз дворника. Похоже, он нам не всё рассказал.

— Будет сделано! — ответил тот и вышел.

Когда третий свидетель покинул кабинет, Вишневский спросил:

— Что вы обо всём этом думаете, Дмитрий Алексеевич?

— Интересен мотив. Если разобраться в механизме преступления, будет легче найти убийцу, — размышлял Воронцов. — Из-за чего обычно убивают? Измена, ревность, деньги… или страх разоблачения. Нужно искать среди знакомых — родственников, друзей… или жениха, если он был.

Миколай задумался.

Вошёл усатый милиционер и доложил:

— Следующий свидетель.

За его спиной стояла эффектная миниатюрная женщина

лет тридцати. Волосы цвета блонд были уложены в элегантную причёску. На даме были клетчатый твидовый костюм а-ля Шанель, красные туфли на высоком каблуке, в руках сумочка в тон туфлям.

— Проходите, пожалуйста, — пригласил её Миколай.

Она вошла как царица, спокойно оглядела присутствующих и опустилась на стул. От неё тянулся тонкий шлейф аромата Rose Geranium от Floris. Ухоженной рукой с красным маникюром она достала серебряный портсигар, вынула сигарету и спокойно прикурила.

— Здесь нельзя курить, — сказал Миколай.

Она медленно подняла на него глаза.

— Простите?

— Курить здесь запрещено.

Женщина несколько секунд смотрела на него, потом снова перевела взгляд на дымящуюся сигарету.

— Понимаю.

И продолжила курить.

— Где вы были вчера утром с девяти до десяти тридцати? — устало спросил следователь.

Она немного подумала и, выпустив дым, ответила:

— Я ходила к своей портнихе. Она работает на дому: улица Бронницкая, дом семнадцать, третий этаж.

— Что вы видели?

— Она снимала с меня мерки для нового платья, а я стояла у окна. Было около половины десятого, и я заметила, что

в дом напротив зашёл мужчина в шляпе.

— Можете его описать?

— Высокий, седой, с тростью, в чёрной одежде. Лица я не видела. — Я, знаете, люблю всё красивое. Поэтому сразу обратила на него внимание. Он был одет… изысканно. Для Ленинграда редкость.

Она снова затянулась сигаретой и внимательно посмотрела на Миколая.

— Что было потом?

— Дворник вышел из арки и начал подметать тротуар. Минут через десять этот мужчина вышел из парадной. Он торопился. Начался мелкий дождик, он раскрыл зонт и перешёл на другую сторону улицы.

— Он разговаривал с дворником? — спросил следователь.

— Нет, я этого не заметила.

— Ончто-нибудь давал дворнику, деньги, например?

— Деньги? — она нахмурилась. — Нет. Он вышел и сразу пошёл быстрым шагом… Дворник только смотрел ему вслед.

— Что было дальше?

— Потом из парадной вышла молодая девушка, а за ней женщина. Они пошли в разные стороны. Правда, женщина остановилась возле дворника, и они о чём-то поговорили. Кажется, тогда дворник дал ей денег.

Она затушила сигарету, достала из сумочки пудреницу, посмотрелась в зеркальце и пуховкой припудрила лицо.

— Можете что-нибудь добавить?

— Потом начался сильный ливень. Меня позвали пить чай, и больше я ничего не видела.

— Спасибо большое, вы нам очень помогли, — сказал Вишневский.

Она улыбнулась, попрощалась и с достоинством вышла из кабинета.

Зашёл Афанасий и доложил, что дворник Пётр Иванович пьян, громко поёт песни и прийти никак не может.

Миколай попросил художника нарисовать дома ещё несколько портретов подозреваемого и, поблагодарив за сотрудничество, отпустил домой.

Глава 5

КРОВЬ. ВОДА. ЛУНА.

Екатерина Алексеевна позвонила в дверь коммунальной квартиры ровно в назначенный день и час — в субботу, в десять утра.

Дверь открыла гадалка Зара. На ней был привычный красный платок, небрежно накинутый на плечи, с вплетённой золотой нитью и витиеватыми узорами. Она быстро оглядела молодую девушку с головы до ног и, ничего не сказав, отступила в сторону, пропуская внутрь.

Екатерина оказалась в длинном узком коридоре. У входа висела перегруженная вешалка: тяжёлые пальто, плащи, клетчатые шарфы — всё вперемешку. У стены стояли мужские сапоги, подсохшие, но всё ещё покрытые уличной пылью. На тумбочке лежала вчерашняя «Ленинградская правда», рядом стоял — чёрный телефон с круглым диском и тяжёлой на вид трубкой.

В коридоре пахло чем-то жареным — то ли луком, то ли капустой. Из-за ближайшей

двери донёсся сухой кашель. Екатерина на мгновение задержалась, поправила перчатки и прошла дальше.

Зара шла впереди, не оглядываясь. В ней было что-то от человека, который одинаково уверенно может и судьбу предсказать, и легко назвать цену своим словам.

Она вошла в комнату, кивком указала Екатерине Алексеевне на стул и достала из ящика стола колоду.

Карты были засаленными, с мягкими от частого использования углами. Гадалка столько раз перебирала их и раскладывала карты перед клиентами, что теперь они не шуршали — скорее, тихо шептали.

В комнате стоял густой запах табака, смешанный с дешёвыми духами и чем-то аптечным. Казалось, здесь пытались лечить не тело, а судьбу. На подоконнике лежали засохшие травы, рядом стояло мутное зеркало с трещиной по краю.

— О чём спросить желаете? — поинтересовалась Зара и подняла глаза. Взгляд у неё был тяжёлый, внимательный — взгляд человека, который будто уже всё понял и теперь ждёт, когда ты сам это произнесёшь.

Екатерина Алексеевна замялась.

— О любви.

Зара едва заметно усмехнулась.

— Все о ней спрашивают… Тогда — «сердце».

Она перетасовала карты быстро и ловко, не глядя. Пальцы у неё были желтоватыми от табака, а на безымянном пальце поблёскивало толстое потёртое золотое кольцо.

— Левой рукой подснимите.

Екатерина Алексеевна послушно сделала, как велели.

Карты легли на стол. Зара разложила их в определённую фигуру — медленно, будто каждая карта давно знала своё место.

Десятка червей.

Рядом — бубновый валет.

Зара задержалась на нём чуть дольше, чем следовало.

Гадалка потянулась за папиросой «Беломорканал», чиркнула спичкой. Огонёк на мгновение осветил её лицо — резкое, усталое, с глубокими тенями под глазами.

Она затянулась и выпустила дым в сторону.

— Вижу… — сказала она хрипло. — Любовь есть.

Пауза.

— Только не к тому, с кем живёте.

Екатерина Алексеевна побледнела.

— Вы… уверены?

Зара слегка склонила голову, теперь рассматривая не карты, а её лицо.

— Карты редко врут. Люди — чаще.

Она коснулась пальцем валета.

— Вот он. Уже рядом ходит. Не первый день.

Екатерина невольно сжала пальцы.

— Кто это?

Зара прищурилась. На мгновение показалось, что она решает — сказать или промолчать.

— Шатен. Не военный… — пробормотала она. — Руки не рабочего.

И вдруг чуть усмехнулась:

— Художник, что ли, или музыкант.

Она стряхнула пепел прямо на стол.

— В синем шарфе будет. Запомните.

Пауза.

— С ним неспокойно. Зато почувствуете вкус к жизни.

Екатерина молчала.

Зара наклонилась ближе и почти шёпотом добавила:

— Только вы и без меня это знали.

Екатерина Алексеевна молча открыла сумочку и достала сложенную вдвое зелёную купюру. Пять рублей, чуть потёртые, словно они уже успели побывать в руках не одной чужой судьбы.

Она положила деньги на край стола.

Зара даже не взглянула на них. Ловко, почти машинально, смахнула купюру в карман пёстрой юбки.

— Приходите, если что, — сказала она уже другим тоном — деловым, усталым. — И запомните: карты не врут. Это люди любят притворяться.

Екатерина кивнула, хотя никто этого не ждал, и направилась к двери. Она не попрощалась.

Дверь за ней закрылась не сразу, будто кто-то ещё на секунду задержал её, провожая взглядом.

В коридоре снова пахло едой. Где-то хлопнула форточка. Екатерина медленно пошла к выходу, словно боялась обернуться.

Только на лестнице она остановилась и глубоко вдохнула. Воздух здесь был холоднее и чище.

Она машинально коснулась шеи.

Слова Зары не покидали её.

«Шатен. Художник или музыкант. В синем шарфе».

Екатерина закрыла глаза на мгновение, потом быстро спустилась вниз.

Дверь подъезда захлопнулась за ней глухо.

— --

В комнате стало тихо.

Зара стояла у стола, не двигаясь.

Потом потянулась, потушила папиросу о край блюдца и медленно собрала карты в

колоду.

На секунду задержалась. Вытянула одну карту — бубнового валета — и перевернула её рубашкой вверх.

— Художник… — пробормотала она

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.